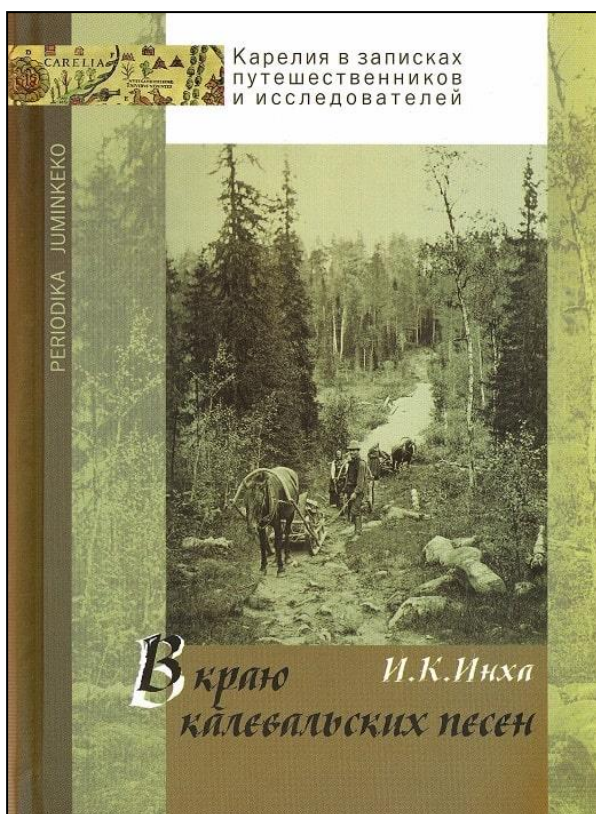

КРИВОНОЖЕНКО Александр Фёдорович / KRIVONOZHENKO Aleksandr
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
krivfed@yandex.ru

РЕЦ. НА КН.: Инха И. К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск: Периодика; Кухмо: Юминкеко, 2019. 464 с.*

REVIEW OF: Into Konrad Inha, *V kraiu kalevalskikh pesen: tropoi Lyonnrota po Belomorskoj Karelii, ocherk o zemle Belomorskoj Karelii* (Petrozavodsk: Periodika; Kuhmo: Juminkeko, 2019), 464 p.

Ключевые слова / Keywords: Карелия, Кемский уезд, Беломорская Карелия, И. К. Инха, крестьянство / Karelia, Kemsy district, White Sea Karelia, Into Konrad Inha, peasantry

На рубеже XIX и XX веков Восточная Карелия стала объектом вдохновения для широких кругов интеллигенции Великого княжества Финляндского. Тогда же этот интерес оформился в идейное течение, известное как карелианизм. В то время молодая финская нация находилась в поисках своей идентичности. Вектор процесса был задан за несколько десятилетий до этого публикацией Э. Лённротом «Калеваль». Писатели, фольклористы, художники, композиторы, будучи вдохновлёнными эпосом, устремились в Карелию. Именно здесь, как было принято считать, ещё сохранились основы финской культуры, отражённые в рунопевческой традиции местного населения. Отголоски карелианизма прослеживались в общественной мысли Финляндии вплоть до Второй мировой

* Работа подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)». Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9.

войны¹. При этом очевидно, что через интеллигенцию влияние национального романтизма транслировалось на широкие круги населения Финляндии.

Важную роль в популяризации идей карелианизма в финском обществе сыграла визуализация образа карелов, их духовной и материальной культуры. Современные представители науки Финляндии сходятся в оценках относительно того, что по-настоящему «открыла» Карелию для жителя Великого княжества книга фотографа, журналиста, писателя и переводчика И. К. Инхи «В краю калевальских песен». Так, историк К. Катаяла указывает, что эта книга связала Карелию с «Калевалой» и сделала карелов в восприятии финских читателей носителями подлинной, первоначальной финской культуры². П. Лааксонен отмечает, что через портретные и пейзажные фотографии, сделанные И. К. Инхой, в Финляндии сформировались многие устойчивые образы «Калеваль»³.

Работы И. К. Инхи на протяжении десятилетий стоят в центре внимания исследователей из Финляндии, представляющих различные области науки. Его наследию посвящены монографии и диссертации⁴. Недавним примером неослабевающего интереса научной общественности к творчеству И. К. Инхи является значительное число докладов на прошедшей в Петрозаводске в октябре 2019 г. научно-практической конференции «Коренные народы Карелии: история и современность», в которых так или иначе анализировались работы И. К. Инхи.

Первое издание книги финского фотографа о поездке в Беломорскую Карелию⁵ вышло в свет в 1911 г. Второе, прижизненное, издание книги было осуществлено в 1921 г., а третье — в 1999 г. Русскоязычному читателю эта ставшая уже классической работа была недоступна вплоть до недавнего времени. Лишь в 2019 г. был издан перевод книги на русский язык.

Композиционно книга состоит из вступительной статьи П. Лааксонена и нескольких десятков глав, в которых описывается путешествие по Беломорской Карелии И. К. Инхи и его напарника в путешествии — студента историко-

¹ Karelianism // The Viena Karelian Folklore Villages [Электронный ресурс]. URL: <http://www.juminkeko.fi/viena/en/karelianismi.html> (03.07.2019); Лааксонен П. И. К. Инха в краю калевальских песен // Инха И. К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск; Кухмо, 2019. С. 14.

² Katajala K. From Conflict to Cooperation: Paradigm Changes in Finnish Research into the History of Karelia and Eastern Border // Imagined, Negotiated, Remembered. Constructing European Borders and Borderlands / Ed.: K. Katajala, M. Lähteenmäki. Münster, 2012. P. 92.

³ Лааксонен П. И. К. Инха в краю калевальских песен. С. 7.

⁴ Vuorentaа T., Kajander. I. I. K. Inha, valokuvaaja 1865–1930. Porvoo, 1981; I. K. Inha 1894, valokuvaaja Vienaа Karjalassa. Helsinki, 1990; Lintonen K. Hymyilevät rannat: I. K. Inhan (1865–1930) luonnon hurmaus ja melankolia. Helsinki, 2006; Lintonen K. Valokuvallistettu luonto: I. K. Inhan tuotanto luonnon merkityksellistäjänä. [Helsinki], 2011. URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/27840> (30.10.2019).

⁵ Беломорская Карелия (фин. Vienaа Karjala) — принятое в финляндской историографии название населённых карелами волостей Кемского уезда Архангельской губернии.

филологического отделения философского факультета Императорского Александровского университета К. Карьялайнена.

Книга является ценным историческим источником по социально-экономическому положению карелов, а также их нематериальной культуре не только конца XIX в. Во многом зафиксированная И. К. Инхой информация сохраняла свою актуальность до конца 1910-х гг., т. е. до получения Финляндией независимости и официального закрытия границы с Россией. По мнению И. К. Инхи, 17 лет, прошедших после его путешествия в Северную Карелию⁶, кардинально не поменяли социально-экономический уклад жизни этого региона. Фундаментальные изменения могли произойти лишь в нематериальной сфере жизни карельского населения⁷. Несколько позже эту же мысль повторил другой путешественник, оставивший описание поездки по Беломорской Карелии — И. В. Оленев. По его мнению, за 15 лет с 1902 по 1917 гг. «экономическое положение и бытовые черты аборигенов этого края едва ли много изменились»⁸.

Идея совершить поездку по деревням Беломорской Карелии, которые ранее посетил Э. Лённрот, возникла у И. К. Инхи за несколько лет до самого путешествия. На это решение оказали влияние две его предыдущие поездки: в 1892 г. он посетил деревню Паанаярви в окрестностях Куусамо⁹, а следующем году путешествовал по восточной части Выборгской губернии, где компактно проживало карельское население. Здесь писатель имел возможность непосредственно познакомиться с карельской рунопевческой традицией, после чего было принято решение отправиться в длительное путешествие по Беломорской Карелии. И. К. Инха формулировал главную цель этой поездки так: «Я надеялся найти в Вокнаволоке и Ухте поселение, которое, благодаря своей ещё большей отдалённости, сохранило бы большую близость к калевальским временам»¹⁰.

Поездка И. К. Инхи и его товарища К. Ф. Карьялайнена длилась с конца марта по сентябрь 1894 г. Она была хорошо организована. При её планировании фотограф обращался к описаниям аналогичных путешествий в Карелию своих предшественников. В его распоряжении были изданные к тому времени работы А. Кастрена¹¹, А. В. Эрvasti¹², А. А. Борениуса¹³, на труды которых И. К. Инха

⁶ Здесь и далее фраза «Северная Карелия» используется в качестве синонима фразы «Беломорская Карелия».

⁷ *Инха И. К.* В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск; Кухмо, 2019. С. 18.

⁸ *Оленев И. В.* Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги: Путевые очерки И. В. Оленева. [Гельсингфорс, 1917]. С. 5.

⁹ Паанаярвский национальный парк / Ред. Лео Коутаниеми. Куусамо, 1993. С. 123.

¹⁰ *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 21.

¹¹ *Кастрен М. А.* Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) М., 1860.

¹² *Ervasti A. V.* Muistelmia matkalta Wenäjän Karjalassa kesällä 1879. Oulu, 1880.

впоследствии ссылался при подготовке книги. В ходе планирования путешествия решался вопрос и о получении документов, обосновывающих пребывание финского журналиста в Российской Карелии. Первоначально И. К. Инха планировал посетить, помимо населённых пунктов Кемского уезда, деревни Ребольской волости и Сегозерья¹⁴. В связи с этим в феврале 1894 г. через канцелярию финляндского генерал-губернатора Ф. Л. Гейдена было выслано обращение олонецкому губернатору М. Д. Демидову с просьбой предоставить И. К. Инхе открытый лист для облегчения передвижения по губернии. Целью его пребывания в Карелии был указан сбор этнографического материала¹⁵. Поездка вглубь Повенецкого уезда не состоялась, однако И. К. Инха посетил ряд деревень Кимосозерского общества Ругозерской волости, т. е. местности крайней северо-западной части Олонецкой губернии.

С аналогичной просьбой канцелярия финляндского генерал-губернатора обратилась и к губернатору Архангельской губернии А. П. Энгельгардту¹⁶. В ответ был выслан требуемый документ и сопроводительная записка, в котором губернатор обещал со стороны местных властей и полицейских чинов Кемского уезда «всевозможное законное содействие <...> к успешному выполнению цели поездки»¹⁷.

Главная задача автора заключалась в описании сбора фольклорного наследия карельского народа. Этот рассказ дополнен обширными этнографическими зарисовками. Их появление — своего рода дань социальному заказу со стороны финляндского общества (по крайней мере, его просвещённой части), которое на волне национального романтизма находило крестьянскую культуру карелов экзотичной. На этом фоне наблюдения автора за социальными и экономическими аспектами жизни Беломорской Карелии выглядят органичными и необходимыми.

Сравнение крестьянских хозяйств в Северной Карелии и по ту сторону границы неизменно приводило И. К. Инху к выводу о большой нужде, в которой жили карелы. Контраст между экономическим состоянием крестьян был такой, что по возвращении на финскую сторону путешественник отмечал: «...мы даже не подумали, что находимся в бедном крае Кианта, напротив, нам показалось, что мы прибыли в зажиточную страну»¹⁸.

---

¹³ *Borenius A. A. Runonkeruumatkalta Venäjän Karjalassa v. 1872 // Suomi. Kirjoituksia isänmaallisista aineista. Toinen Jakso, 11 osa. Helsinki, 1876. S. 245–262.*

¹⁴ *Лааксонен П. И. К. Инха в краю калевальских песен. С. 8.*

¹⁵ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 17. Д. 43/3. Л. 120–120 об. URL: http://www.rkna.ru/projects/carelica/finnish_scientists/f.1-op.17-d.43_3/ (12.09.2019).

¹⁶ Государственный архив Архангельской области. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2108. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ *Инха И. К. В краю калевальских песен. С. 446.*

По наблюдениям И. К. Инхи, земледелие являлось одним из основных занятий населения на всей территории Кемского уезда. Исключением были русские поселения на берегу Белого моря, где разрабатывались лишь небольшие огороды¹⁹. Северной границей распространения земледелия в Карелии И. К. Инха вслед за Э. Лённротом называл берега озера Пяозеро²⁰.

Затрагивая проблему нехватки в Беломорской Карелии культурных земель²¹, И. К. Инха обнаруживает достаточно глубокую осведомлённость в этом вопросе. В частности, он упоминает об указе 13 марта 1873 г., согласно которому, население Архангельской губернии получило возможность на определённых условиях расширять лесные пространства под пашню²². Однако эта мера не стала полноценной заменой подсечно-огневого земледелию²³. Приводимые И. К. Инхой сведения о нехватке посевных земель в Беломорской Карелии в конце XIX в. подтверждают мнение о неэффективности указа 1873 г.

Проблема малоземелья в карельской деревне напрямую была связана с существовавшими практиками лесопользования. Сложившаяся ситуация — следствие того, что в Архангельской губернии крестьянские и государственные леса не были размежёваны. В связи с этим подсека в Беломорской Карелии (в отличие от Олонецкой Карелии) была под запретом²⁴. И. К. Инха неоднократно отмечал принадлежность всего леса в Северной Карелии государству²⁵, а также указывал, что в Олонецкой губернии ситуация с обеспечением лесом населения обстоит лучше. В частности, он пояснил, что здесь «... деревням выделили в 1884 году лесные делянки»²⁶.

В описаниях И. К. Инхи отсутствуют указания на то, что система подсечно-огневого земледелия, разрешённая в Олонецкой губернии, создавала видимую разницу между уровнем обеспеченности зерновыми крестьян Повенецкого уезда и Беломорской Карелии. Путешественник отмечал, что жители деревни Лувозеро, как и крестьяне западных волостей Кемского уезда, отправлялись в Финляндию за запасами хлеба²⁷. Книга И. К. Инхи косвенно подтверждает мнение о том, что разграничение крестьянских и казённых земель в Олонецкой губернии повлекло за собой кризис

---

¹⁹ Там же. С. 205.

²⁰ Там же. С. 199, 207.

²¹ Пашни, сенокосы, выгоны, усадебные участки.

²² *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 433.

²³ Подробнее о земледелии «по билету» см.: *Поляшек М.* Расчистки в Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (далее — ИАОИРС). 1909. № 14. С. 7–12.

²⁴ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 248.

²⁵ *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 32, 235, 431.

²⁶ Там же. С. 433.

²⁷ Там же. С. 127.

подсечного земледелия²⁸. Расчистка лядин разрешалась исключительно в границах крестьянского надела. Между тем, закладываемая подсека требовала определённого ландшафта (ровное, возвышенное пространство)²⁹. Многие удобные для подсечного земледелия площади оставались в казённых лесах.

И. К. Инха указал на слабую роль животноводства в экономике крестьянского хозяйства Беломорской Карелии. В 1894 г. в Кемском уезде (без учёта Кеми и Сумского Посада) насчитывалось 8440 голов крупного рогатого скота, 3706 лошадей и 12639 овец³⁰. Сравнивая уровень развития этой отрасли сельского хозяйства в Финляндии и Карелии, автор констатировал, что то количество скота, которое содержит население целой деревни на российской стороне, в Финляндии иногда имеет лишь один хозяин³¹. Главная причина такого положения — острая нехватка сенокосных угодий в Кемском уезде.

Другим негативным фактором, сдерживающим развитие скотоводства в Кемском уезде, И. К. Инха назвал урон от нападения диких животных. Согласно его сведениям, в д. Каменозеро летом 1893 г. медведь задрал 9 коров и 1 лошадь, а в 1892 г. — 14 коров и более 50 овец³². Путешественник отметил, что в эти годы медведь давал о себе знать чаще обычного. Кроме того, по его сведениям, 1892 и 1893 гг. были неурожайными в Беломорской Карелии³³. Вероятно, активность медведей напрямую связана с отсутствием достаточной кормовой базы в лесу. Подтверждение этого тезиса можно найти в работе М. И. Бубновского, который связывал убытки крестьян д. Водосалма с активностью медведей из-за отсутствия морошки на болотах³⁴.

Заметную роль в системе животноводства Кемского уезда играло разведение оленей. В 1894 г. в крестьянских хозяйствах уезда (за исключением Кеми и Сумского Посада) насчитывалось 12282 головы оленей³⁵. Оленеводство было известно не во всех волостях Беломорской Карелии. По свидетельству И. К. Инхи, южнее д. Тихтозеро (находится на той же параллели, что и южная часть озера Топозера) оленей уже не держали³⁶. Лучше всего в пределах Карелии оленеводство было развито начиная с поселений на озере Пяозере и к северу от него³⁷.

---

²⁸ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 248.; Обзор Олонецкой губернии за 1890 г. Петрозаводск: Губернская типография, [1891]. С. 8. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/35520-za-1890-god-1891>. (17.09.2019).

²⁹ Оленев И. В. Карельский край и его будущее... С. 19; Обзор Олонецкой губернии за 1890 г. С. 8.

³⁰ Обзор Архангельской губернии за 1894 год: ежегодный отчет. Архангельск, 1895. С. [111].

³¹ Инха И. К. В краю калевальских песен. С. 431.

³² Там же. С. 168.

³³ Там же С. 152.

³⁴ Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // ИАОИРС. 1915. № 1. С. 16.

³⁵ Обзор Архангельской губернии за 1894 год. С. [111].

³⁶ Инха И. К. В краю калевальских песен. С. 61.

³⁷ Там же. С. 199.

Сравнивая уровень развития оленеводства по обе стороны границы, И. К. Инха пришёл к выводу о том, что в районе Куусамо оно играет более важную роль в экономике крестьянского хозяйства, чем в Беломорской Карелии³⁸. В деревнях в районе озёрной системы Куйто оленей уже не держали, но на финской стороне на этой широте оленеводство существовало. И. К. Инха привёл свидетельство Э. Лённрота, согласно которому олени становились объектом кражи, причём карельские крестьяне уводили в свои деревни и оленей финских хозяев, пасущихся на другой стороне границы: «Едва олень сунется головой по ту сторону границы или хотя бы приблизится к ней, как на русской стороне уже готовы поймать его или подстрелить»³⁹. При этом северней, где оленеводство было развито уже по обе стороны границы, такой проблемы не существовало. Сохранилась ли подобная практика в конце XIX в., И. К. Инха не уточнил.

Книга содержит сведения об организации лесоохранных мероприятий на территории Карелии в конце XIX в. Согласно лесному уставу 1876 г., крестьяне должны были принимать участие в тушении пожаров в казённых лесных дачах⁴⁰. По свидетельству И. К. Инхи, во время его визита почти всё население д. Каменозеро отправилось ликвидировать возгорание в районе д. Ладвозеро⁴¹.

Лес давал крестьянам Беломорской Карелии дополнительные заработки. В частности, в источнике содержится информация о сплавных работах, на которые уходили мужчины⁴². Тем не менее, влияние этого заработка на благосостояние местного населения в конце XIX в. пока было не столь значимо, как корабейничества. И. К. Инха уделил этому социально-экономическому явлению особое внимание.

Анализируя причины разносной торговли северокарельских крестьян в Финляндии, И. К. Инха приходит к выводу о прямой зависимости между площадью сельскохозяйственных угодий крестьян и корабейничеством. Постоянная нехватка продовольствия и реальная угроза голода — вот причины, заставлявшие, по мнению автора книги, покидать карельских мужчин свои дома на многие месяцы. В частности, он отметил: «... мы должны помнить, что корабейная торговля, очевидно, древняя отрасль экономики края и что для него она с незапамятных времен существенный источник средств существования»⁴³. По наблюдениям И. К. Инхи, корабейники уходили на торговлю в Финляндию осенью, а возвращались в родные деревни в конце весны, к началу полевых работ.

---

³⁸ Там же. С. 432.

³⁹ Там же. С. 374–375.

⁴⁰ Устав лесной (Свод законов т. 8, ч. 1), дополненный и измененный по продолжениям 1863, 1864, 1868, 1860, 1871 и 1872 гг. и позднейшим узаконениям / сост. Д. Коковцов. СПб., 1876. С. 102–103.

⁴¹ *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 168.

⁴² Там же. С. 100.

⁴³ Там же. С. 430.

Однако, судя по косвенной информации из источника, многие мужчины продолжали находиться в Финляндии и в мае. Не все возвращались домой и к концу июня⁴⁴. Очевидно, что сроки пребывания карельского крестьянина за границей находились в прямой зависимости от величины урожая в предшествующее лето.

И. К. Инха выделил главные пути, через которые коробейники попадали в Финляндию. Жители деревень из средней и южной части Беломорской Карелии переходили границу около д. Минозеро или уходили ещё южнее, в район д. Лендеры. Здесь в Лиексу шла дорога, которую традиционно использовали повенецкие карелы. Жители побережий Топозера и Пяозера переходили границу в Паанаярви, отправляясь затем в Куусамо⁴⁵. Анализируя районы Финляндии, в которых традиционно торговали представители той или иной части Беломорской Карелии, И. К. Инха отметил коммерческие интересы северной части края: жители Кестеньги вели дела в южной части Финляндии, в районе Хельсинки, Турку и на Аландских островах⁴⁶. Деловые интересы в шведскоязычной части Финляндии обусловили знание шведского языка кестеньгскими крестьянами, отмеченное автором⁴⁷.

Помимо сведений об экономическом эффекте, оказываемом коробейничеством на жизнь северокарельской деревни, в книге И. К. Инхи содержится информация, свидетельствующая о влиянии торгового отхода на социальную сферу жизни крестьян. В частности, долгое отсутствие главы семьи заставляло женщин браться за работу, которая до этого обычно находилась в сфере ответственности мужчин. Так, автор эмоционально писал: «... я уже достаточно насмотрелся на то, как женщины на той стороне границы вынуждены делать всю самую тяжёлую работу»⁴⁸. Коробейничество могло привести семью к разорению. Ещё на пути в Беломорскую Карелию, на финской стороне, И. К. Инха встречал семьи торговцев, у которых кончился хлеб, и они вынуждены были направиться в Финляндию за сбором милостыни⁴⁹. Однако в книге не указано, насколько массовым было это явление.

И. К. Инха отметил ещё один социальный тренд в Беломорской Карелии, связанный с коробейничеством. Он обратил внимание на появление в карельских деревнях финских женщин, которых приводили в свои дома карелы-коробейники в качестве жён. Эти женщины, по свидетельству И. К. Инхи, меняли веру и усваивали местный язык, поэтому не могли кардинально повлиять на местный

---

⁴⁴ Там же. С. 64, 148.

⁴⁵ Там же. С. 437

⁴⁶ Там же. С. 436.

⁴⁷ Там же. С. 197.

⁴⁸ Там же. С. 171.

⁴⁹ Там же. С. 25.

культурный ландшафт, найти истоки которого стремился путешественник⁵⁰. Гораздо больше его волновал другой аспект экономического влияния коробейничества в Беломорской Карелии. Книга содержит красноречивую информацию о процессе социального расслоения деревни. В Вокнаволоке, Ювалакше и других крупных деревнях состоятельные семьи торговцев, держащих в Финляндии лавки, строили свои дома на финский манер. По мнению И. К. Инха, коробейничество, несущее из Финляндии блага цивилизации, косвенно влияло на утрачивание старинной рунопевческой традиции, в поисках которой он отправился в Беломорскую Карелию. Помимо прямого инокультурного проникновения в карельскую деревню, это влияние происходило и опосредованно: богатые торговцы из крупных сёл нанимали мужчин из рунопевческих деревень для разностной торговли в Финляндии, где они также подвергались иному культурному и языковому влиянию⁵¹.

В книге «В краю калевальских песен» нашла отражение ещё одна серьёзная общероссийская проблема — пьянство. И. К. Инха отмечал, что это явление к тому времени «входило в обычай» в приморских волостях уезда, а отсюда начинало распространяться и на волости с карельским населением. По свидетельству путешественника, наличие алкоголя на праздничном столе воспринималось местными крестьянами в качестве признака достатка: «Даже женщины иногда хвастались, что их мужья бывали пьяными»⁵². Таким образом, алкоголь являлся здесь атрибутом людей, претендовавших на особый социальный статус, что свидетельствует о его труднодоступности и дефиците. В источниках отмечается отсутствие повального пьянства среди крестьян Архангельской Карелии на фоне проблемной ситуации в прибрежных волостях Кемского уезда⁵³.

Таким образом, относительная трезвость жизни населения Беломорской Карелии, среди прочих причин⁵⁴, определялась, прежде всего, труднодоступностью алкоголя. В условиях полного отсутствия сухопутных дорог⁵⁵, ведущих от населенных пунктов на берегу Белого моря вглубь Кемского уезда, рентабельно доставлять выпивку в карельские волости не представлялось возможным.

Затронутая проблема отсутствия на большей части Кемского уезда удобных путей сообщения является крайне важной для понимания сути перманентного социально-экономического кризиса в этом крае. Труд И. К. Инхи является важным

---

⁵⁰ Там же. С. 32.

⁵¹ Там же. С. 359.

⁵² Там же. С. 204.

⁵³ Б-ков. М. Быт карела // ИАОИРС. 1913. № 3. С. 110.

⁵⁴ Такала И. Р. Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002. С. 230.

⁵⁵ По свидетельству современников, большая часть жителей Кемского уезда «колесные грунтовые дороги были и недоступны, и известны только по слухам». (См.: Архангельская Карелия. Архангельск, 1908. С. 40.)

источником информации для изучения сложившихся здесь проблем логистики. Прежде всего, в работе подробным образом описаны традиционные пути сообщения между населёнными пунктами Кемского уезда, а также между деревнями Беломорской Карелии и приграничными селениями Финляндии. Автор приводит многочисленные описания способов передвижения, практикуемых местным населением. В отдельной главе «Карта Беломорской Карелии» И. К. Инха критически проанализировал и дополнил имеющийся на то время картографический материал по этому краю, а также сообщения его предшественников о расстояниях между населёнными пунктами.

Говоря о рецензируемом издании, невозможно обойти стороной многочисленные фотографии, сделанные И. К. Инхой во время путешествия по Беломорской Карелии и использованные им затем в подготовленной книге. Эти снимки хорошо известны исследователям в Финляндии, и России, их научная ценность общепризнана. Фотодокументы отражают такие аспекты жизни беломорского крестьянства, как земледелие (на панорамных снимках хорошо видны усадебные земельные наделы, один из этапов жатвы хлеба, находящиеся под паром поля, картофельные огороды), хозяйственные постройки (бани, амбары, мельница), объекты культа, старинные кладбища, внутренняя обстановка карельского дома и планировка деревень, одежда и еда крестьян, праздники и обычаи т. д. В связи с этим подготовленный в конце книги систематизированный список фотографий облегчает задачу исследователя по поиску конкретного изображения в книге.

Большое число различных классов топонимов, встречающихся на страницах книги, делают логичным решение подготовить при переводе книги список географических названий. Важно при этом, что все упомянутые топонимы, расположенные в Карелии, приведены на русском и финском языках.

Изучение исторического источника личного происхождения подразумевает знакомство с биографией автора. Следуя этому принципу, при подготовке перевода книги в него было включено описание жизненного пути И. К. Инхи, аналогично финноязычному изданию 1999 г. Это решение видится крайне важным, поскольку русскоязычному читателю биография фотографа до этого времени была недоступной. Более того, в электронном каталоге Национальной библиотеки Финляндии мы не нашли ни одной работы, посвящённой жизни и работе И. К. Инхи и на английском языке. Эти факторы делают практически невозможным использование биографического метода исторического исследования при анализе рецензируемой книги без знания финского языка.

Рецензируемая книга является важным историческим источником личного происхождения по истории Беломорской Карелии. Критический подход к её содержанию позволяет выявить определённые неточности, допущенные автором.

Так, в нескольких местах И. К. Инха допустил небольшие фактические ошибки. В частности, он указал некорректную датировку наделения крестьян Олонецкой губернии лесными наделами — 1884 г.⁵⁶ Они появились лишь с составлением владенных записей, которые разграничивали казённые и крестьянские земли. Составление владенных записей не было единовременной кампанией. Эта работа началось в Олонецкой Карелии в 1872 г. и длилась более 20 лет⁵⁷. Можно предположить, что И. К. Инха указал на 1884 г., говоря о составлении владенной записи для крестьян Лувозеро и Кимасозеро (в пределах Олонецкой губернии И. К. Инха посетил лишь деревни Кимасозерского общества). Именно этот год упомянут им в контексте описания площадей земель, находившихся в пользовании этих деревень. Но, по сведениям статистического бюро олонецкого губернского земства, размежевание крестьянских и государственных земель в Кимасозерском обществе Ругозерской волости произошло не в 1884, а в 1886 году⁵⁸.

Одной из главных причин бедности крестьян Беломорской Карелии И. К. Инха считал незначительные площади пахотных земель даже вокруг таких крупных деревень, как Ухта или Ювалакша⁵⁹. На страницах книги автор многократно справедливо связывает неудовлетворительное положение дел в этой области хозяйства с запретом на ведение подсечного земледелия. И. К. Инха приводит свидетельства Э. Лённрота, посещавшего эти края в 1830-х гг., когда государство ещё не вводило ограничений на подсеку. Согласно им, местные крестьяне собирали хорошие урожаи с лесных расчисток⁶⁰. Ко времени путешествия И. К. Инхи в коллективной исторической памяти местного населения сложилось устойчивое представление о том, что до запрета подсечного земледелия в середине XIX в. карелы не нуждались в привозном хлебе. Крестьяне сообщали И. К. Инхе, что, когда подсека была разрешена, урожаи хлеба «приходилось засыпать в амбар через крышу, через дверь это было невозможно»⁶¹. Подобные примеры урожайности фиксируют и другие источники. А. П. Энгельгардт приводил сведения, согласно которым, в урожайные годы на подсеках в Беломорской Карелии крестьяне получали урожай в объёме сам-40–50⁶². Информанты О. В. Оленева приводили значительно меньшие цифры урожайности на подсеках — сам-20⁶³. Но, на наш

---

⁵⁶ *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 433.

⁵⁷ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 247.

⁵⁸ Опыт исследования изменений в хозяйстве 14 селений Повенецкого уезда Олонецкой губернии. За период 1895–1899–1901 гг.: (По данным подворных переписей). Петрозаводск, 1901. С. 4. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?pid=15761> (15.09.2019).

⁵⁹ *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 32, 274.

⁶⁰ Там же. С. 167.

⁶¹ Там же. С. 139, 430.

⁶² Очерк путешествия архангельского губернатора А. П. Энгельгардта в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск, 1895. С. 14.

⁶³ *Оленев И. В.* Карельский край и его будущее... С. 65.

взгляд, эти показатели урожайности явно преувеличены и являются результатом мифологизации роли подсечного земледелия. В первый год после разделявания подсеки оно приносило большие урожаи, чем те, которые крестьяне собирали с незначительных полевых наделов вокруг деревень. И несмотря на то, что затем урожайность на этих наделах резко падала, подсека в коллективной исторической памяти населения становилась синонимом достатка, а её урожайность «увеличивалась» с каждым новым годом, отделявшем современников от того периода, когда она ещё была разрешена.

Реальная урожайность на подсеках в Беломорской Карелии не могла превышать (по природно-географическим причинам) аналогичных показателей в самом северном уезде Олонецкой губернии — Повенецком. Данные статистики за первое десятилетие XX в. говорят о том, что здесь средняя урожайность ячменя (основного злака в Беломорской Карелии) на подсеках составляла сам-5,5, а на полевых наделах — сам-5,3. Двухзначные показатели урожайности на подсеке по всем высаживаемым зерновым культурам за редким исключением (ячмень в Вытегорском уезде — сам-10,3) не зафиксированы даже в южных уездах Олонецкой губернии⁶⁴.

Ещё одну неточность финский путешественник допустил при описании путей сообщения в Беломорской Карелии. Речь идёт о каналах — неглубоких канавах, которые местные крестьяне сообща прокапывали для сокращения длины водного пути. Обычно они сооружались в основаниях узких, но длинных озёрных мысов или при излучинах рек. По мнению И. К. Инхи, практика сооружения таких каналов не получила распространения в Беломорской Карелии. В частности, он указывает: «Шаповарский канал в Бабьей Губе был в своем роде единственной «художественной работой» по ту сторону границы»⁶⁵. Однако это утверждение не совсем корректно. По более поздним свидетельствам М. И. Бубновского, сооружение каналов в Беломорской Карелии нашло широкое распространение. По его мнению, их здесь существовало несколько десятков⁶⁶. Сведения М. И. Бубновского кажутся нам более убедительными, поскольку в своей работе «Контур Архангельской Карелии» он неоднократно указывал на конкретные сооружения между различными водоёмами.

Помимо этого, в книге замечена и географическая ошибка. Так, говоря о Шуньге (*Sunkki*), И. К. Инха указал на то, что это село находится в «на берегу Онежского озера в Северной Карелии»⁶⁷ (в оригинале: «Äänisjärven rannalta —

⁶⁴ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. СПб., 1910. С. 386.

⁶⁵ *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 140.

⁶⁶ *Бубновский М. И.* Контур Архангельской Карелии // ИАОИРС. 1914. № 14. С. 427–428.

⁶⁷ *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 115.

Pohjois-Karjalan vanhasta kauppapaikasta»⁶⁸). Очевидно, что Шуньга, находившаяся на юге Повенецкого уезда Олонецкой губернии, в Заонежье, не могла быть в «Северной Карелии», что бы не подразумевал под этим термином автор.

Необходимо сказать несколько слов и о самом издании. Оформление книги заслуживает высокой оценки. Особенно ценным является высокое качество публикаций фотографий И. К. Инхи, благодаря чему исследователь имеет возможность изучить на них мельчайшие детали. Однако есть несколько моментов, которые, могли бы сделать его более выигрышными. Прежде всего, внимательное и вдумчивое чтение этого источника подразумевает постоянное обращение к комплексу географических карт. При этом, если географические объекты можно установить по современным топографическим картам, то для установления положения многих уже давно не существующих населённых пунктов нужно обращаться к материалам первой половины XX в. На наш взгляд, работа с книгой была бы более удобной при наличии карты Беломорской Карелии в качестве приложения. Тем более что такая карта была составлена И. К. Инхой и опубликована в финноязычных изданиях книги⁶⁹. Для объективности следует сказать, что ссылка на неё в русскоязычном издании присутствует.

Долгожданный перевод книги на русский язык ожидаемо вызвал интерес к ней со стороны широкой общественности. В связи с этим к переводу, на наш взгляд, необходимо было составить ряд комментариев с разъяснением узкоспециальных понятий, терминов, месторасположения небольших географических объектов. В качестве примера, демонстрирующего потребность в таком блоке справочного раздела, можно указать на различные меры расстояния, использованные И. К. Инхой в книге. Это и километры, и вёрсты, и мили. Так, путь от Лувозера до Минозера был оценен автором в 2,5 мили⁷⁰ (*penikulmaa*⁷¹), что может ввести в замешательство внимательного читателя, не знакомого с этой старой скандинавской мерой расстояния и читающего книгу рядом с открытой картой. По прямой это расстояние составляет не менее 25 километров. По сведениям И. В. Оленева, сухопутный путь между этими населёнными пунктами равнялся 25 верстам⁷². Однако если знать, что под милей в книге имеется в виду расстояние в 10,6 километра⁷³, то данные из двух источников совпадают.

---

⁶⁸ *Inha I. K. Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa: Kuvaus Vienan Karjalan maasta, kansasta, siellä tapahtuneesta runonkeruusta ja runoista itsestään.* Helsinki, 1921. S. 97. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?pid=13920>. (15.09.2019).

⁶⁹ *Ibid.* S. 423.

⁷⁰ *Инха И. К.* В краю калевальских песен. С. 127.

⁷¹ *Inha I. K. Kalevalan laulumailta.* S. 108.

⁷² *Оленев И. В.* Карельский край и его будущее... С. 40.

⁷³ *Tietosanakirja.* 7. osa, Oulun tuomiokunta–Ribes. Helsinki, 1915. S. 372. URL: <http://runeberg.org/tieto/7/0206.html> (30.10.2019).

Таким образом, анализ книги И. К. Инхи «В краю калевальских песен» показал, что она является важным информативным источником по истории Беломорской Карелии, её связям с районами Финляндии. Свидетельства о земледелии и скотоводстве позволяют реконструировать хозяйственную жизнь северокарельского крестьянина. Кроме того, солидный комплекс уникальных фотодокументов, собранный в издании, позволяет визуализировать историю, приближая ученого к объекту исследования. Однако к работе с книгой необходимо подходить критично: некоторые положения из аргументации И. К. Инхи не всегда точны и требуют сопоставления с другими источниками.

Список литературы

Инха, И. К. В краю калевальских песен : тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии / И. К. Инха. — Петрозаводск : Периодика ; Кухмо : Юминкеко, 2019. — 464 с.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. — Петрозаводск : Периодика, 2001. — 943 с.

Лааксонен, П. И. К. Инха в краю калевальских песен / П. И. Лааксонен // Инха И. К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. — Петрозаводск : Периодика ; Кухмо : Юминкеко, 2019. — С. 7–15.

Паанаярвский национальный парк / ред. Лео Коутаниemi. — Куусамо : Фонд Паанаярви-Оуланка, 1993. — 159 с.

Такала, И. Р. Веселие Руси : История алкогольной проблемы в России / И. Р. Такала. — Санкт-Петербург : Журнал "Нева", 2002. — 335 с.

I. K. Inha 1894, valokuvaaja Vienan Karjalassa. — Helsinki : Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1990. — 96 s.

Katajala, K. From Conflict to Cooperation: Paradigm Changes in Finnish Research into the History of Karelia and Eastern Border / K. Katajala // Imagined, Negotiated, Remembered. Constructing European Borders and Borderlands / ed. : K. Katajala, M. Lähteenmäki. — Münster : LIT Verlag, 2012. — 232 p.

Lintonen, K. Hymyilevät rannat : I. K. Inhan (1865–1930) luonnon hurmaus ja melankolia / K. Lintonen. — Helsinki : Maahenki, 2006. — 159 s.

Lintonen, K. Valokuvallistettu luonto : I. K. Inhan tuotanto luonnon merkityksellistäjänä / K. Lintonen. — [Helsinki] : Helsingin yliopisto, 2011. — 304 s. URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/27840> (30.10.2019).

Vuorenmaa, T. I. K. Inha, valokuvaaja 1865–1930 / T. Vuorenmaa, I. Kajander. — Porvoo : WSOY, 1981. — 192 s.